На вопросы шеф-редактора журнала «Закон» Владимира Румака отвечает профессор кафедры коммерческого права и основ правоведения, заслуженный профессор Московского университета, доктор юридических наук **Борис Иванович ПУГИНСКИЙ**

ПРАВОВЕДЕНИЕ — ОДНА ИЗ САМЫХ ОТСТАЛЫХ ОБЛАСТЕЙ ЗНАНИЯ

Родился 26 января 1941 г. в г. Ельце Липецкой области.
В 1965 г. с отличием окончил юридический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова.
С 1968 г. — арбитр, в 1979–1992 гг. — заместитель главного арбитра Госарбитража РСФСР.
В 1974 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Плановые акты и условия договора поставки», в 1985 г. — докторскую диссертацию на тему «Основные проблемы теории гражданско-правовых средств».
С 1974 г. преподает на юридическом факультете, а в 1992 г. стал профессором МГУ имени М.В. Ломоносова. В том же году инициировал воссоздание кафедры коммерческого права, существовавшей в Императорском Московском университете.
С 1992 по 2013 г. — заведующий кафедрой коммерческого права и основ правоведения МГУ имени М.В. Ломоносова.
Руководил написанием семнадцати кандидатских диссертаций; являлся научным консультантом для четырех докторских диссертаций.
В 2011 г. получил почетное звание заслуженного профессора МГУ.
Будучи членом рабочих групп при нескольких комитетах Государственной Думы, участвовал в подготовке Гражданского кодекса РФ и ряда федеральных законов.
Судья третейского суда, созданного при Торгово-промышленной палате РФ для рассмотрения экономических споров.
Автор и соавтор более 250 научных работ по проблемам договорного права, теории правовых средств и российскому коммерческому праву.

— Борис Иванович, в одном из своих интервью 2011 г., когда только разрабатывалась новая редакция ГК РФ, Вы заявили, что наш Кодекс наполнен правовым хламом из учебников[1]. С тех пор многое изменилось. Удалось ли, на Ваш взгляд, исправить ситуацию?

— Полагаю, что не удалось. Кодекс в действующей редакции оказался весьма объемным, но в нем не нашли решения многие проблемы, которые касаются граждан, затрагивают их интересы. Да и для организаций это не лучший документ. Возьмите хотя бы 30-летнюю историю с дольщиками в капитальном строительстве. Где решать этот вопрос? Конечно, в Гражданском кодексе, поскольку он непосредственно касается граж-

[1] *Пугинский Б.И.* Гражданский кодекс наполнен правовым хламом из учебников: интервью // Арбитражная практика. 2011. № 6. URL: https://e.arbitr-praktika.ru/255385 (дата обращения: 29.03.2021).

Loaded: 20-05-2024 AMt 08:47:15

дан. Но этот и многие другие вопросы не получили отражения в нем. У нас до сих пор до 30 тыс. человек, а это 30 тыс. семей, потратив свои деньги, не могут добиться получения жилья. Это явный пробел.

Появляются новые дыры. Вот я столкнулся с тем, что граждан обманывают при попытках участия в биржевых операциях. Вы, наверное, тоже слышали об этом, недавно было соответствующее поручение Президента. Пока не дойдет до Президента, эти вопросы не решаются. Но то, что они существуют, — очевидно для всех тех людей, которых привлекают для модернизации отрасли.

> Таких вопросов — носящих массовый характер, требующих решения в гражданском законе — немало. Поэтому говорить о том, что Кодекс наконец-то урегулировал современные имущественные отношения, не приходится.

Нужно было проанализировать существующие и появляющиеся проблемы и решать их. К сожалению, Кодекс подражает дореволюционным кодексам. Он идет в канве старого российского законодательства, каким его разработали в предреволюционный период. Так что этот документ требует регулярного обновления с учетом потребностей общества.

— Забота о гражданах предполагает в известной степени патернализм в правовом регулировании. Разработчики ГК как раз говорили о том, что при реформировании необходимо обеспечить защиту интересов простых граждан, — вероятно, с учетом этого и опирались на понятные российским правоприменителям правовые конструкции. Но в результате в Кодексе появилось больше возможностей для бизнеса, больше свободы в договорных отношениях. Появились новые инструменты договорной работы, близкие к английскому контрактному праву. Быть может, впору полноценно разграничить торговое и гражданское право, чтобы эти две тенденции не боролись друг с другом при формулировании универсальных норм?

— Я не сторонник отдельного регулирования предпринимательских отношений. Заметьте, что в мире (а мы изучали этот вопрос) в университетах существуют кафедры коммерческого и гражданского права. Кафедр предпринимательского права вы не найдете. Попытки разработать такое право пока не имеют заметного успеха. Мне сложно представить платформу, на которой можно строить предпринимательское законодательство.

Но есть корпоративные отношения, их регулирование, и с этим все достаточно понятно. С гражданским правом со времен римского права тоже все достаточно понятно. Но за 30 лет работы в сфере коммерческого права я встретил в нем мало специалистов. В основном берут университетский учебник и читают по нему курсы лекций, а движения вперед не видно. В этом явные пробелы.

> Коммерческое право и торговые кодексы есть во всех развитых государствах.

Первый кодекс подготовила Франция, причем император участвовал в заседании при его подготовке. Его обновили в последнее десятилетие. В США имеется коммерческий (не торговый!) кодекс. В трети государств действуют помимо гражданских коммерческие кодексы. Мы понемногу ставили задачу написания такого кодекса. Трудности порождаются инерционным мышлением наших ученых. Их всех готовили в вузах на материалах гражданского права. Что такое право коммерческое, им не объясняли.

> Я считаю, что это направление должно быть одним из ведущих в правоведении. Гражданский кодекс нацелен на регулирование отношений индивидов, и он не дает праву развития, необходимого для регулирования отношений и связей организаций.

Наша кафедра и другие проявляющие интерес ученые и кафедры все больше и больше уделяют внимание коммерческому праву.

— Неискушенному читателю мало понятна разница между коммерческим и предпринимательским правом. Разъясните?

— Предпринимательское право призвано регулировать отношения по поводу предпринимательства. Коммерческое право предназначено для регулирования коммерции, т.е. торговли. Торговлей вроде бы занимается и гражданское право, там есть группы норм, касающиеся торговых отношений. Однако

Loaded: 20-05-2024 AMt 08:47:15

коммерческое право регулирует отношения по сбыту произведенных товаров и продукции (реализационные отношения), оптовую торговлю (иначе говоря, торговлю через оптовых посредников), внешнюю торговлю и т.п. Как Вы понимаете, гражданское право не уделяет внимания этим аспектам торговой деятельности. Надо разделять торговлю для граждан (потребительскую торговлю), которую регулирует гражданское законодательство, и торговлю не для потребителей, т.е. торговлю коммерческую. В этом и заключается приблизительное отличие коммерческой деятельности от схожих понятий.

> Коммерческое право призвано разрабатывать условия реализации товара, регулирование оптовой торговли.

Это узловые вопросы для жизни предприятия. Только реализовав товар, оно может инвестировать в развитие.

В конце концов, оптовая продажа обеспечивает прирост ВВП, и за последние 30 лет доля валового продукта, который создается коммерческими предприятиями, выросла в 4 раза. Она превышает долю валового продукта от добывающей промышленности, от сельского хозяйства. Представляете, какие это величины?

Мы пишем об этом в статьях, но пока это не скоро разойдется и не скоро будет воспринято властями. К сожалению, неразработанность проблем сбыта привела к тому, что у нас с огромным трудом могла осуществляться конверсия оборонных предприятий.

— Вы говорите о сбыте как о некоей собирательной категории или нет? Вопросы возмездного оказания услуг, например, регулируются коммерческим правом?

— Нет. Речь идет только об отношениях по реализации товаров. Другое дело, что эти отношения зачастую не могут существовать без им сопутствующих отношений — таковыми могут быть отношения и по оказанию услуг, и по производству работ.

> В тех случаях, когда услуги предполагают комплектацию, доработку, доставку, установку, наладку и иные подобные действия в отношении товаров, они входят в предмет договора, т.е. рассматриваются как составные компоненты самого товара. В этом, кстати, одно из отличий понимания товара в коммерческом праве от его понимания в праве гражданском.

Просто передать вещь в коммерческом праве бывает недостаточно: товары будут считаться переданными не раньше, чем предоставляющим лицом в их отношении будут совершены все те действия, которые позволят покупателю использовать их по назначению. Так что речь идет о работах и услугах, которые можно назвать сопутствующими, вспомогательными по отношению к товарам.

— Но ведь в предмет современных торговых кодексов включен, как правило, не только товарный оборот.

— Совершенно верно. Не только товарный оборот, но и услуги торговых посредников — дистрибьюторов, комиссионеров, агентов, консигнантов; услуги товарных складов, банковские, страховые и т.д. Весь вопрос в том, *почему* они туда включены. Одни и те же вещи можно делать исходя из разных соображений. Нынешние торговые кодексы ориентируются на один из мировых образцов — французский 1807 г. или германский 1897 г. либо еще более ранний, 1861 г. Образцы эти составлялись в эпоху, когда современного понятия о предпринимательской деятельности просто не было. Но было освещенное веками понятие торговли как исторически первой, наиболее рано возникшей области предпринимательства. Вот и стали в то время подводить под понятие о торговле (коммерции) самые разные области предпринимательской деятельности — от комиссионерства и агентирования до перевозки, хранения, банкинга и страхования. Так эти институты оказались в торговых кодексах. Сейчас, когда, с одной стороны, известно общее, родовое понятие предпринимательства, а с другой — точно установлены характеристики каждого входящего в него вида, в этом нет острой необходимости: каждый вид предпринимательской деятельности (в первую очередь, конечно, торговля) может и должен быть урегулирован самостоятельно, сообразно одному ему присущим особенностям. Но опять-таки большинство тех работ и услуг, которые регулируются современными торговыми кодексами, имеют непосредственную связь с торговлей, обслуживают ее интересы (хотя и не исключительно только ее). Вот на этом основании

Loaded: 20-05-2024 AMt 08:47:15

и только в этой части то их регулирование, которое осуществляется нынешними торговыми кодексами, можно было бы сохранить.

— По ощущениям, именно в области торговли должна широко применяться договорная свобода. Вы писали, что это понятие, которое у нас распространено в предпринимательской деятельности, не отвечает сути предпринимательства. Означает ли это, что ограничения договорной свободы в нашей стране должны быть жестче?

— То, что понятие предпринимательства, закрепленное в ст. 2 ГК, вредно и никуда не годится, по-моему, очевидно. Там сказано, что предпринимательство — это осуществляемая на свой риск систематическая деятельность с целью получения прибыли. Между тем даже в дореволюционный период предприниматели не ограничивались получением доходов. В XVII–XVIII вв. половина российской промышленности была создана на средства и усилиями купечества. Они тратили свой доход на строительство фабрик, заводов, мостов, больниц, школ и т.д. Менталитет предпринимательства был совсем другим. Сейчас им сказали: ребята, делайте деньги кто сколько сможет. И эта установка, заложенная в ГК, одна из ряда вредных установок. Цивилисты стоят на ней, чтобы не колебать Гражданский кодекс. Но коммерческое право исходит из других стратегий.

Конечно, все это сформировалось в 1990-е гг. в условиях нищеты населения и понятно, что бросили какой-то лозунг о бизнесе, но в широком смысле стяжательство никогда не было основной целью купечества.

— Ваша кафедра в своем роде уникальна. Это одна из немногих кафедр коммерческого права в нашей стране (вспоминается разве что еще СПбГУ) и единственная, которая в своем названии сочетает коммерческое право и основы правоведения. Как так получилось?

— Когда я пришел в Университет в 1992 г., в нем действовала кафедра советского права и основ правоведения. На нее приказом ректора была возложена задача преподавать советское право (что это такое, я до сих пор не понимаю) и одновременно преподавать на всех факультетах МГУ основы правоведения. Когда меня пригласили на юридический факультет, я поставил условие: сменить наполовину курс кафедры, сделав ее кафедрой коммерческого права и основ правоведения, потому что отбросить вмененную обязанность преподавать основы права на всех других факультетах мы не могли. И я лично читал лекции по коммерческому праву, а также на 2–3 факультетах, в том числе экономическом и философском, преподавал основы права.

— То есть это некая дань традиции, сформировавшейся в советское время?

— Да, это сложившееся на факультете распределение функций. Все, что я мог изменить, — это направить преподавание в сторону коммерческого права.

Изменение названия и содержания деятельности проводится по решению Ученого совета МГУ, и тогдашний декан рассказывал, что, когда мы предложили изменить название, в зале раздался хохот деканов разных факультетов, поскольку, что такое коммерческое право, не знали ни они, ни мы. Сейчас уже никто не смеется.

— Я, честно говоря, предполагал, что это название отражает Ваш особый подход к правовой методологии, поскольку Вы уделяли большое внимание этому вопросу. Я встречал Ваше высказывание о том, что правовая методология у нас достаточно бедная. С чем это связано?

— Я занимался методологией с первых студенческих лет. Мне посчастливилось слушать лекции А.А. Зиновьева — он выдающийся методолог. Я пять лет занимался в Московском методологическом кружке у Г.П. Щедровицкого, пока его не закрыли, — там разрабатывались вопросы методологии науки. Мне это было чрезвычайно интересно, тем более что нигде более этим не занимались. И никто до сей поры не сравнится с этими выдающимися методологами. Судьба их была печальна. Зиновьева выслали из СССР, а Щедровицкого выгнали с работы, запретив печатать его статьи и книги.

— В чем ценность методологии правового познания для юриста? На что стоит обращать особое внимание при ее использовании?

— В современном правоведении не разработана методология, с помощью которой можно адекватно описывать и изучать правовую деятельность. Попытка ис-

Loaded: 20-05-2024 AMt 08:47:15

следования договорной деятельности представлялась бы безнадежной, если бы не накопленный во второй половине XX в. огромный опыт построения как общей теории деятельности, так и предметных (частных) деятельностных направлений науки. Важнейшими исходными положениями теории, успешно реализовавшимися в конкретных исследованиях, можно считать следующие. Фундаментальным является понимание того, что деятельность должна рассматриваться как система. В связи с этим иногда говорится о системодеятельностном подходе как общем обозначении данной методологии.

> Изучение методологии правового познания важно и необходимо для юриста потому, что правоведение — это область познавательной деятельности без достоверно установленных и апробированных, подтвержденных опытом методов научной работы.

Здесь можно найти множество рассуждений, даже дебатов, о методах, но не встретить наглядных и убедительных примеров их применения для решения соответствующих проблем, для получения нового теоретического знания. Причина — нормативное понимание права, которое выталкивает, отвергает методы, предлагаемые для изучения соответствующих объектов.

Это большая тема, которую я подробно освещаю в своем лекционном курсе по методологии научного познания для аспирантов Московского университета.

> Наукой принято считать не поверхностные описания наблюдаемых явлений, а достоверное осмысление фактов, установление необходимых связей, определенных закономерностей в изучаемой области действительности. Между тем создается впечатление, что отыскание истины интересует правовую теорию меньше, чем что бы то ни было.

Основанием для такого вывода служит набор разнородных и произвольных конструкций, предлагаемых в качестве методов научной работы юристов.

— В начале интервью Вы сказали, что российский ГК укладывается в канву дореволюционного российского законодательства. В то же время многие институты перешли в него из ГК РСФСР. Можно ли в связи с этим назвать наше гражданское право наследником советского гражданского законодательства?

— В определенной степени можно, и точно так же можно назвать советское гражданское право наследником российского дореволюционного права. Все это представляет собой наработки старых дореволюционных и послереволюционных ученых, но своими корнями восходит к классическому римскому праву. Этим любопытна наша правовая наука — она держится за основы, разработанные бог знает когда, при царе Горохе, причем по своей методологии она догматическая, нормоведческая. К сожалению, студентов обучают пониманию, толкованию, запоминанию законодательства. Какой-то другой методологии в правоведении нет, и по этой причине оно мало способно к развитию. Оно скорее призвано удерживать то, что создано, что написано, и непригодно к совершенствованию. В данном отношении правоведение — одна из самых отсталых областей знания. У нее просто нет отвечающих современным реалиям методов, способов развития и совершенствования.

— Излишний догматизм принято считать одним из проявлений тяжкого наследия советского права, если мы ведем речь о гражданско-правовых отношениях. Когда принималось Постановление Пленума ВАС РФ о свободе договора[2], говорили, что оно может стать неким окном возможностей, которое позволит судам уйти от излишней догматики в сторону телеологического толкования и снятия чрезмерной императивности в гражданских правоотношениях. На Ваш взгляд, можно ли говорить о каких-то успехах в этом направлении или российское гражданское право еще находится в плену советского наследия?

— То, что называют свободой договора, немного расширилось. Формально эта свобода декларирована, записана, закреплена в ГК, но тут возникают вот какие проблемы.

Во-первых, сами граждане и организации боятся отходить от текста, от буквальной записи закона просто

[2] Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах».

Loaded: 20-05-2024 AMt 08:47:15

потому, что не знают, как сформулировать отличающиеся от нее условия договора.

Во-вторых, суды к этим отступлениям относятся с опаской. Им гораздо удобнее руководствоваться текстом закона, и они разными способами стараются подвести то, что сочинили стороны, к тому, что непосредственно записано в законе. То есть вроде бы свобода договора у нас есть, но в целом она очень ограничена.

— Это состояние характерно для российского права исторически или нам его нужно преодолевать?

— Я не берусь судить, будет ли лучше для российского общества отменить какие-то главы ГК и сказать: «Руководствуйтесь договорами». Не приведет ли это к сумятице?

Постановление Пленума Верховного Суда должно дать ориентиры. Но ориентиры возможны лишь в отношении определенных договоров, определенных мер ответственности, определенных видов действий.

— А как Вы относитесь к проблеме непоименованных договоров? Частично Вы ее озвучили, сказав, что суды исподволь ищут в ГК опору для квалификации гражданских правоотношений.

— Я полагаю, что квалифицировать тот или иной договор в качестве непоименованного вполне возможно, но это должно сначала попасть в голову членов Пленума Верховного Суда, закреплено в постановлении Пленума и воспринято всеми судами, иначе толку не будет. В законе нет препятствий таким решениям, и здесь все будет зависеть от Верховного Суда.

— Давайте обсудим проблему свободы договора на примере уступки прав требования. Каковы пределы оборотоспособности требований и основания их необоротоспособности (допустим, тесная связь с личностью, законодательные ограничения, ограничения уступки прав, приобретенных на торгах) или, наоборот, абсолютной оборотоспособности (если это, скажем, денежные требования)?

— Здесь большое значение приобретает как раз точное разделение торгового (коммерческого) оборота с иными областями предпринимательской деятельности и общегражданским бытом. Я полагаю, что максимально широкой, свободной оборотоспособностью должны обладать требования, происходящие из торговых, коммерческих сделок. Собственно, оборот торговых требований — будь то требования о передаче товаров или об уплате денег — является одной из правовых форм осуществления торговой деятельности. И по моему мнению, форма эта куда более удобна и перспективна, чем традиционный и понятный для общегражданского быта оборот вещей, вещных и исключительных прав. Обратите внимание: коммерсанты никогда, ни на одних переговорах не обсуждают вопрос о том, находится ли та или иная партия товара в собственности продавца и если да, то чем он может это доказать. О деньгах, ясное дело, нет и речи. О чем это говорит? О том, что главный вопрос в торговом обороте — не кто собственник товаров или денег, а кто имеет право требования передачи этих самых товаров и уплаты денег. А уж когда эти требования получают особую форму — ценных бумаг, распорядительных документов, независимых документарных обязательств, — говорить и вовсе не о чем: для их оборота исчезают вообще любые ограничения. Вот и получается, что торговый оборот строится совсем иначе, чем гражданский. В других областях предпринимательства и, конечно, в общегражданском быту далеко не все требования могут и должны свободно обращаться.

— Должен ли меняться объем прав цессионария по сравнению с правами цедента (я имею в виду в том числе проблему «мерцающих» потребительских правомочий)?

— «Мерцающие» правомочия — это, как я понимаю, те, которые есть, если требование принадлежит гражданину-потребителю, и которых нет, если оно принадлежит лицу, которое статусом потребителя не обладает?

— Совершенно верно.

— Такого не может быть. Содержание требования не может меняться в зависимости от того, кому оно принадлежит.

> Наличность, состав и содержание потребительских правомочий определяются не конкретным договором, персонально для каждого потребителя, а раз и навсегда Гражданским кодексом и специальным законом одинаково для всех.

Loaded: 20-05-2024 AMt 08:47:15

Что это означает? То, что такие правомочия — это не компоненты каждого отдельного конкретного обязательства (требования), а фрагменты правоспособности всех гражданин-потребителей. Стало быть, когда некое требование к должнику — субъекту Закона о защите прав потребителей[3] принадлежит гражданину-потребителю, он может осуществлять это требование, пользуясь способностями не только общими, гражданскими, но и специальными, потребительскими. И наоборот: когда то же самое требование к тому же самому субъекту принадлежит кому-то другому (не гражданину-потребителю), то он может осуществлять его, пользуясь только элементами правоспособности общего характера. Так что ни содержание, ни объем требований тут не меняются. Пользуясь Вашей терминологией, требования не «мерцают», в их содержании всё постоянно.

— Интересная точка зрения. Но тогда получается, что требование, возникшее у потребителя, может впоследствии перестать быть потребительским, и наоборот? Требование может возникнуть у кредитора, который не является потребителем, а после его уступки гражданину-потребителю быть осуществленным с использованием им своего потребительского статуса?

— А почему ж, Вы думаете, в коммерческих договорах все время ставят условие о запрете уступки требований без согласия кредиторов? Возможность описанной Вами ситуации — превращения изначально непотребительского требования в потребительское — одна из причин. Впрочем, я считаю, что подобную уступку должник мог бы оспорить: передача требования в руки лица с правоспособностью потребителя, безусловно, ведет к ухудшению его положения.

— Вы имеете прямое отношение к зарождению арбитражных судов России и долгое время проработали в системе Госарбитража. Можете рассказать о ней и принципах ее работы? Напоминала ли она больше судебную ветвь власти или же была подвержена административному влиянию?

— Я проработал в Госарбитраже при Совмине РСФСР 25 лет. Я пришел туда уже с некоторым юридическим опытом, но прямо скажу, что профессиональное мое формирование произошло именно там. Работа арбитра — одна из лучших, которая только может выпасть юристу. Она требует широких правовых знаний, детального изучения спорной ситуации и принятия выверенного решения, создающего возможность для успешной взаимосвязанной деятельности конфликтовавших предприятий.

> Госарбитраж, на мой взгляд, был прекрасной школой для становления юристов.

Вообще, время с 1970 по 1990 г. оказалось одним из самых интересных периодов моей жизни. Шло накопление знаний и опыта, становление как юриста. Моя работа поощрялась весьма быстрым карьерным ростом: начальник отдела, затем член коллегии, с 1979 г. — заместитель главного арбитра России. Это была даже по тем временам достаточно высокая должность.

> Арбитру приходилось через день разрешать 10–15 споров.

И необходимость их правильного квалифицированного решения обеспечивала квалификацию самих арбитров.

Госарбитражи создавались при облисполкомах, крайисполкомах, и, хотя они зародились где-то в 1921 г., до военного времени и даже в первые послевоенные годы они оставались в эмбриональном состоянии — не было централизованной системы, а жалобы на решения арбитров рассматривал юрист исполкома.

После 1960 г. начались попытки преобразования, становления системы Госарбитража, и мне пришлось активно в этом участвовать.

Надо было, во-первых, установить, что надзор за правильностью решений осуществляет вышестоящий орган арбитража, и, во-вторых, наладить единство, общность практики разрешения споров во всех арбитражах. Это была очень трудная работа. Госарбитражем разрабатывались и осуществлялись организационные меры по обеспечению единообразного применения законодательства, профилактике нарушений. Сюда входила и подготовка информационных писем и обзоров арбитражной практики, и регулярное

[3] Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей».

Loaded: 20-05-2024 AMt 08:47:15

проведение республиканских и зональных совещаний, и обсуждение на коллегии результатов проверок, и организация курсов по переподготовке, стажировок арбитров с мест и многое другое. Ежегодно я ездил в 7–8 командировок с целью проверки правильности решений.

Потом вызывали главного арбитра на заседания коллегии, там высказывали ему, какие дела разрешены неправильно, и предлагали исправить. На следующий год назначалась повторная проверка.

В крупных госарбитражах дела разделялись по категориям — такая специализация тоже улучшала качество.

Кроме того, издавались письма по надзорной практике, которые потом рассылались по нижестоящим арбитражам, как и инструктивные письма о порядке применения того или иного нормативного акта.

В 1972 г. Совет министров РСФСР создал централизованный орган — Госарбитраж РСФСР, что способствовало единообразному правоприменению. В судах общей юрисдикции такая организация сложилась уже давно, а в арбитраже появилась только в начале 1970-х гг.

Непростое дело — превратить более 70 разобщенных, различных по людскому составу организаций в цельную слаженно работающую машину. Те, кто позднее пришел, как говорится, на готовое, не имели представления о том, чьими усилиями и какими трудами была построена арбитражная система. Между прочим, они продолжают использовать многие приемы организационного воздействия, разработанные их предшественниками.

Органы Госарбитража трансформировались в арбитражные суды, приобретя более высокий статус. Хотя еще в царской России они действовали с 1832 г. в качестве коммерческих судов. Вместе с тем в полной мере реализуется системное свойство одновременно переходить на применение нового законодательства и единообразно его применять.

— А каковы были пределы пересмотра дел?

— Самые широкие. Мы могли отменить решение или принять новое решение.

— По существу тоже пересматривали, как апелляция?

— Да.

— А если возникали какие-то спорные вопросы с толкованием, даваемым Верховным судом РСФСР?

— До этого не доходило. У главного арбитра было четыре заместителя, которые подписывали надзорные постановления. Это были очень квалифицированные специалисты, и в самых сложных случаях они принимали решение коллегиально. То есть система была упрощенная.

— А должностные лица органов исполнительной власти имели какое-то влияние на государственных арбитров?

— Нет. Я не помню случая, чтобы кто-то из аппарата Совета министров позвонил и сказал: «Сделай так».

— Это было как-то закреплено институционально?

— Нет, так сложилась практика. На арбитраж не воздействовали извне.

— Как Вы оцениваете современное положение с независимостью судей?

— Я полагаю, что гарантии сегодня существуют. Конечно, есть давление, не искоренено телефонное право, но в целом, по общему мнению, гарантий независимости судей стало больше.

Loaded: 20-05-2024 AMt 08:47:15